

Благороднейший митрополит

Святитель Филарет Московский в воспоминаниях иностранных путешественников

Из Оксфорда в Лавру

Для многих иностранных путешественников, приезжавших в XIX веке в Россию, Православие казалось логическим дополнением к той политической системе Российской империи, с которой они не всегда и не во всем готовы были согласиться. Многие путешественники, если и уделяли религии некоторое внимание, то направляли его, в основном, на то, чтобы показать мнимую недостаточность Православия по сравнению с теми или иными протестантскими конфессиями. Тем не менее была и другая позиция, представленная, в основном, деятелями, связанными с так называемым "высоким течением" в англиканстве, обращенным к традиции древней, неразделенной Церкви и к истокам нашей общехристианской истории...

История христианства в Британии во второй четверти XIX века являлась предметом многочисленных исследований, в том числе и на русском языке, и в них обоснованно глубокое внимание уделяется деяниям и фигурам так называемого Оксфордского, или Тракторианского движения. Это движение особо выделяло апостольскую традицию, эстетическую красоту богослужения и социальную миссию Церкви. Такие лидеры Оксфордского движения, как Кибл, Ньюмен, Пьюзи и их последователи, явились инициаторами высвобождения огромной интеллектуальной энергии. Результаты этого высвобождения видны и в беллетристических трудах, и в научных —

Автор выражает глубокую признательность Заведующему Славянским отделом Нью-Йоркской Публичной Библиотеки Эдварду Касинцу за помощь в подготовке настоящей работы.

например, в известной понине и очень значимой серии "Библиотека отцов", начатой в 1839 году, и в "Библиотеке Англо-Католической Теологии". Личное благочестие ранних тракторианцев также послужило толчком к возрождению монашества в Британии, что проявилось в создании целого ряда монашеских и миссионерских обществ в 30-е годы XIX века.

Один из деятелей этого направления А.П. Стенли утверждал, что митрополит Филарет "представляет хотя бы в некоторой мере воздействие широкой волны, которая порой в нашем сознании ассоциируется с Англией, исключительно даже с Оксфордом, или лишь с несколькими именами в Оксфорде, но которая в действительности прошла по всей Европе. Так же, как исполненный радостью уход от мирской жизни в "Вифании" характеризует для нас жизненный путь митрополита Пла-

тона, так суровое возрождение средневекового отшельничества в лесах Троицы под названием "Гефсимания" представляет нам аскетический облик и безмятежное лицо святителя-старца Филарета, который воплощал в России философию подвижничества, настолько близкую нам здесь в Англии, что нет нужды раскрывать ее здесь более подробно".

Возможно, самый известный и наиболее ранний момент контактов между представителями Оксфордского движения и Русского Православия состоит в посещении России деканом колледжа Магдалины Уильямом Пальмером в 1840 и 1841 годах. Пальмер известен большинству из нас по переписке с Хомяковым и по основательному труду, который он написал о Патриархе Никоне. Во время своего пребывания в России Пальмер пытался приобрести Святых Христовых Тайн в Православной Церкви на основе так называемой теории ветвей, согласно которой все направления христианства в совокупности являют невидимо Вселенскую Церковь.

В одном из своих писем (1840) он цитирует кронштадтского священника Фортунатова, в доме которого он поселился по прибытии в Санкт-Петербург. "Знать почти вся очень плоха. В Петербурге едва ли кто из высших классов соблюдает посты, в Москве же — очень многие, в сельских городах и в деревнях — почти все".

Первой на пути Пальмера была Троице-Сергиева Лавра и размещенная в ее стенах Московская Духовная Академия. Вот как он описывает ее состояние в 1840 году: "Мы посетили несколько исключительно аккуратных классных комнат, где 140 мальчиков из близлежащих городов

получали образование. Нам пояснили, что конфискация всех монастырских земель при Екатерине Второй везде дает себя знать. Даже здесь, в таком богатом месте. Во многих частях здания наблюдается упадок, который либо совсем упущен из виду, либо ввиду нехватки средств ремонтируется лишь отчасти. Там есть приют для сирот и больница. В Лавре 40 монахов в сане священников, 15 диаконов и в совокупности с послушниками их численность составляет сто сорок человек. В семинарии, или Академии, как она называется теперь, сто пятьдесят студентов; поделены они на две части. Младшие изучают философию, а старшие — богословие. Младшие также занимаются языками, многие знают немецкий. Многие читают, но не говорят по-французски, трое читают по-английски. Но курс английского прерван с тех пор, как возникла реакция против Библейских обществ¹.

Стенли в "русском Оксфорде"

После отказа Святейшего Синода удовлетворить настойчивые требования Пальмера об интеркоммунионе² англичане стали приезжать в Россию, как правило, в качестве просто сочувствующих Православия представителей близкой и сходной конфессии, каковой в прошлом веке англиканство и являлось. Одним из таких представителей был уже упомянутый ученый-богослов А.П. Стенли, совершивший две поездки в Россию. Первая состоялась летом 1857 года, лишь два года спустя после столкновения России и Великобритании в Крымской войне. Стенли посетил много мест в России в сопровождении Сергея Николаевича Урусова и Михаила, как он пишет, Сукатина, в действительности Сухотина. Одной из первых они посетили Свято-Троицкую Лавру, о которой Стенли пишет: "Мы встали в семь и сразу пошли к настоятелю, высокому, видному человеку лет 60-ти, по имени Антоний³". Он пока-

зал нам монастырь сам. Затем отдал распоряжение приготовить экипаж, запряженный лошадьми, чтобы показать нам более удаленные места, куда мы ехали около четырех миль. Он нагрузил меня подарками, книгами, картинами и так далее. Когда я поблагодарил его и выразил опасение, что опустошаю и граблю святыню, словно поляки, он меня горячо от всего сердца обнял". Вечером Стенли повели в Академию, где он вел продолжительную беседу с ректором и профессорами П.С. Казанским и А.В. Горским. Он вспоминает: "Вначале они попросили меня разъяснить устройство Оксфорда. Я сделал это, сравнивая с Троицкой Академией. Слушали очень внимательно. Я попросил профессора описать курс Церковной истории, а ректора — курс Пастырского богословия. Далее последовала длинная дискуссия об исповеди и иконах. А затем последовали вопросы в мой адрес о службах в дни поста. Мне нелегко было это делать на французском языке. Но в этом высоком стремлении к общению было что-то трогательное и очень мотивирующее. От горения этих людей и я загорелся тоже. А ведь никто из них никогда не покидал России⁴".

Когда шепот громче грома

Стенли также побывал на нескольких службах, которые совершал святитель Филарет. Наблюдения Стенли очень интересны, особенно в части, не касающейся эстетической красоты службы и облачения клириков, которые оцениваются им традиционно высоко. Вот первое впечатление, которое произвела служба святителя Филарета в Успенском соборе Московского Кремля: "Прозрачные черты его старческого лица как бы возвышались, воспаряли над всем внешним; его жесты проникнуты удивительной простотой: даже в том, как он расчесывал волосы и приглаживал бороду данным ему гребнем, ощущалась подлинная простота в сочетании с высоким благородством". По другому случаю Стенли видел святителя Филарета в качестве председателя на благодарственном молебне в честь первой годовщины коронации Государя Александра II.

Сослужили ему викарии, епископ Иннокентий (Попов-Вениаминов) и епископ Евгений (Казанцев). Стенли рассказывает: "Царило большое оживление, когда были сделаны последние приготовления и Филарет перешел к проповеди. Ни малейшего ропота по поводу неожиданного продления уже достаточно долгой службы не наблюдалось... Напротив, прошел шепот: "Сам митрополит произнесет проповедь". Все высокие особы наклонились вперед и прислушались, чтобы уловить каждое слово. Весь храм был исполнен тишиной. Там стоял пожилой человек в длинном белом облачении. Он почти не смотрел в текст, хотя тот лежал перед митрополитом. Сначала его голос был едва громче шепота, но затем возвысился, и несколько слов достигли моего слуха. Это было замечательное зрелище, которым могла гордиться Русская Церковь: сам Филарет в возрасте 76 лет, вызывающий всеобщее поклонение и удерживающий внимание церковного собрания, состоящего Таинствами, Евхаристией из многих сотен людей. Проповедь длилась около пятнадцати минут. По лицам окружающих меня и по жестам Филарета я мог судить, насколько это было потрясающее. Он описывал этот же день прошлого года: огромное великолепное собрание, летнее солнце, пронизывающее своими лучами окна собора; Император и Императрица, восседающие на троне, столь величественные в своем смирении. Вся служба была не чем иным, как преклонением высшей земной власти перед Господом Господствующих, перед святыней церковной, святыми. Но вдруг тон его изменился: "Но не думайте, что благодать коронации, как бы велика она ни была, достаточна, чтобы помочь Монарху осчастливить и освятить свой народ без содействия последнего. И вам предоставлено преобразить благодать этой церемонии в действительную силу. Нет нужды подкреплять мои слова текстом Священного Писания. Я взываю к вашему разуму и здравому смыслу, чтобы они вам подсказали, как и что делать", — вспоминает Стенли заключительные слова проповеди святителя Филарета.

Жизненная сила Православия в Москве глубоко впечатлила Стенли, его не смутило осознание того, что

¹ Интеркоммунион — евхаристическое общение между представителями различных христианских конфессий.

² Архимандрит Антоний (Медведев), наместник Троице-Сергиевой Лавры, духовник святителя Филарета Московского.

религиозное рвение, как ему казалось, "...в подавляющей части своей было столь мало обращено против нарушений нравственности в стране и всякого зла".

Лучший подарок — портрет святителя

Стенли вновь приехал в Россию в январе 1874 года как настоятель Вестминстерского аббатства и личный священник герцога Эдинбургского, прибывшего с целью женитьбы на дочери Александра II, Великой княжне Марии Александровне. В самый день своего прибытия Стенли встретился с дочерью крупного государственного деятеля Блудова — Антонией. Стенли описывает ее как "...одну из старейших дам Двора, говорящую по-английски и владеющую им в совершенстве. Сначала она говорила с Августой и леди Эммой, затем, повернувшись ко мне, произнесла: "Что касается Вас, то Вы мой старинный друг. Я давно знаю Вас по Вашим книгам. Кроме того, я слышала о Вас от митрополита Филарета и графа Урусова... Она поставила мне в комнату маленькую красивую картину — портрет Филарета, в знак внимания ко мне". На следующий день декан Стенли получил аудиенцию у государя Императора, который сначала говорил по-английски о предыдущем посещении Стенли России и о его знакомстве со святителем Филаретом. Стенли сопровождал Императорский двор в Москву, где имел возможность встретиться со знакомыми по предыдущей поездке, хотя эти встречи носили достаточно краткий характер. О благодарственном молебне в Успенском соборе, 24 января, он вспоминает: "Храм был заполнен до отказа самыми разными представителями общества, включая и крестьян. Зрелище было величественное, очень трогательное, которое можно наблюдать только в России. Что касается внешней стороны религиозных служб в целом, меня не удивляет, что в сравнении с русскими храмами все иные представляются русским православным похожими на языческие по их убожеству".

Главная сложность — в народах

В последний год служения митрополита Филарета самым высоким из иностранных гостей был глава Шотландской Епископальной Церкви епископ Иден. 29 мая на Троицком Подворье состоялась его встреча с митрополитом. После обсуждения англиканских таинств, святитель Филарет, по описанию Идена, сделал замечание о движении двух Церквей к воссоединению, сказав следующее: "Епископы и ученые мужи с обеих сторон, возможно, способны уладить разногласия между Восточной и Англиканской Церковью. Главная сложность — в народах." На выраженное Иденом согласие по данному поводу, подкрепленное доводом, что преобладающее среди англикан отношение к Восточной Церкви столь же отрицательное, сколь и к Римской Церкви по причине неосведомленности об ее учении и дисциплине, святитель ответил: "Если Ваш народ видит сходство Восточной Церкви с Римской, я не удивлен, что он испытывает к ней сильную неприязнь".

Очевидно, Иден был очень доволен приемом, оказанным ему Филаретом, так как он заметил, что нет во всей Российской империи человека более почитаемого или более справедливо и оправданно любимого народом, чем достопочтеннейший Филарет. "Мягкий, смиренный, благочестивый, ведущий очень простой и скромный образ жизни, он отдает на дела милосердия почти весь свой крупный доход. Школы, основанные им при Троицком монастыре для образования малоимущих, для обучения их навыкам полезной работы, а также для развития высоких искусств, составляют бессмертный памятник мудрости, милосердию и сердечной доброте этого благороднейшего митрополита".

Голос Бога призывает христиан объединится

Летом того же 1867 года в Россию приехал один из основателей Ассоциации Восточных Церквей Х.П. Лиддон. В те годы он уже был одним из наиболее известных проповедников Англикан-

ской Церкви. В качестве спутника в своих поездках Лиддон избрал молодого математика И.Л. Доджсона, более известного нам под псевдонимом Льюис Кэрролл. К этому времени первое издание "Приключений Алисы в стране чудес" Доджсона уже обеспечило ему достойное место в мире изящной словесности. После посещения литургии в Исаакиевском соборе в Петербурге Лиддон написал следующее: "Не могу понять тех, кто называет Восточную Церковь образчиком археологии. Хороша она или нет, можно спорить, но эта Церковь представляет собой обширный, энергичный, мощный организм, владеющий самым сердцем крупнейшей из европейских империй; обладающий в пределах России силой, параллели которой нет на Западе в моральном смысле". Во время пребывания в Москве Лиддон и Доджсон были весьма любезно приняты викарием митрополита Филарета, епископом Леонидом (Красноповковым). Этот визит послужил поводом для следующего письма Лиддона от 14 июля 1867 года, в котором он пишет своему викарию, епископу Солсбери: "Епископ Леонид — человек огромной интеллектуальной силы и активности; очень интересуется английской политикой; очень хотел узнать все, что возможно о господине Гладстоне. Читал Ренана, Штрауса и тому подобных авторов с огромным вниманием и очень интересовался тем, как в Англии подходили к решению проблем, поднятых немецкими богословами. Он думал, что в корне всего лежит моральная слабость определенного рода. У людей были причины, по которым они не желали верить, причины в их душе. Епископ Леонид очень сердечен в своем отношении к Англиканской Церкви. Думаю, он не сомневается в действительности хиротонии наших служителей и рад любым шагам в сторону сближения. Он посоветовал мне, в частности, обеспечить перевод на русский язык Катехизиса Англиканской Церкви с примечаниями, поясняющими основополагающее сходство с Православным учением. Он же сказал, что постарается распространить эти документы среди своих священнослужителей, чтобы те могли быть лучше осведомленными об Англиканской Церкви. Он

признал, что мы обращаемся к Восточным Церквам на другой основе, чем лютеране и прочие протестанты. И мягко намекнул, что наша преданность правилу поиска изначальных древнейших основ не столь совершенна в теории и в особенности на практике, как это может показаться. Но он считает при том, что при „нарастающем неверии в Европе голос Бога призывает христиан объединиться под знаменем Христа, чтобы подтвердить своими действиями, в чем состоит истинное учение Церкви о Боге“.

Пастор Лиддон и Льюис Кэрролл в стране чудес

В августе Лиддону и Доджсону удалось получить аудиенцию у святителя Филарета в Гефсиманском скиту. В этом случае переводчиком служил сам епископ Леонид. Хотя в основном эта беседа была обращена к темам богословским и святитель Филарет критиковал определенные аспекты римского католицизма, они коснулись и более светских материй. В частности, святитель выразил англичанам свое недоумение по поводу теплого приема, оказанного турецкому султану во время визита последнего в Англию. „Для нас, восточных христиан, — говорил святитель, — кажется национальным отречением от имени Господа Иисуса Христа, когда глава другой религии, являющейся Его злейшим врагом, преследующей Его служителей и верующих в Него, получает в христианской стране такой прием“. „Я настаивал, — вспоминает Лиддон, — что христианство в Англии — это одно, а государство и правительство — совсем другое, что последнее не руководствуется христианскими принципами, как это происходит в России, и что встреча с султаном носила характер государственной политики, к которой религия не имела ровно никакого отношения. Я уверил его, что многие английские христиане желают видеть то время, когда Святая София в Константинополе будет снова во владении Вселенского Патриарха. Митрополит Филарет пожелал знать, остался ли Оксфордский университет христианским или он был лишен своего религиозного характера; это потребовало от меня длительного

объяснения отношений с антирелигиозно настроенными либералами“.

Несмотря на некоторые опасения по поводу кажущегося отсутствия стремления к социальному совершенствованию среди верующих православных русских людей, Лиддон в целом очень высоко оценивает русское Православие. В письме епископу Солсбери он пишет так: „Филарет отдаст из своего годового дохода в семь тысяч фунтов все, кроме 200. Его жизнь основана на воздержании и строгости, которые вряд ли где-либо найдешь в Англии. Но именно это и обеспечивает неограниченное влияние Церкви на народ. Ничего подобного я на Западе не наблюдал, за исключением Тироля. После литургии в Успенском соборе, например, епископ Леонид был чуть не задавлен толпой народа, которая стремилась получить его благословение. И это обычное в России явление. Когда он возил нас в Троицкую Лавру и мы появились на платформе Московского вокзала, к нему поспешила толпа самых разных людей: носильщиков, машинистов паровозов, извозчиков, чтобы поцеловать ему руку. В Англии такое событие может произойти, только если некий богатый добрый господин будет раздавать шиллинги на центральном перекрестке города. Русские люди глубоко верят в благодать, которой Христос наделяет свою Церковь, хотя, конечно, такой способ выражения своей веры кажется нам несколько странным. Частое осенение себя крестным знаменем, поклонение иконам и особенно определенным иконам превосходит все, что я знаю на Западе. И истинное, подлинное ощущение присутствия Бога проявляется во всеобщей практике молитвы перед началом долгого пути или перед встречей с духовенством. Оно проявляется даже во время купания, когда прыгающий в воду прежде осеняет себя крестным знаменем. Все это очень примечательно. Среди представителей высших сословий присутствует, боюсь, растущее пристрастие к Ренану и книгам подобного рода. Но в этих же слоях общества очень много истинно верующих мирян. Их больше относительно численности всего сословия, чем у нас. Их также больше, чем во Франции или Германии“.

От Оксфордского движения к русскому возрождению

Путевые заметки, приведенные нами, интересны с нескольких точек зрения. Самое поразительное в них — это глубокое уважение и симпатия к Русской Православной Церкви, которые чувствуются у всех этих авторов. Как уже было сказано, все они являлись последователями традиции Высокого Англиканства и, в частности, сочувствовали Оксфордскому движению. Они ощущали много общего с людьми, которых встречали на своем пути в России. И здесь встает весьма интересный для будущего исследователя вопрос о „московских друзьях“ этих путешественников. В основном, эти „друзья“ включали в себя духовенство и членов общества, связанных с теми или иными религиозными учреждениями. Но принимали путешественников и другие представители российского общества, включая самые высокие круги элиты, а также государственных деятелей и того, кого мы бы теперь назвали интеллигенцией. Все люди, отраженные в этих путевых заметках, либо интересуются религиозными проблемами, либо непосредственно живут ими. Таким образом, уделяя пристальное внимание московским друзьям этих англичан, мы получим свежий взгляд на явление, которое можно обозначить как возрождение русского Православия во второй половине XIX века, после Александровых реформ. Мы не занимались в этом кратком сообщении подробным анализом проявления этого возрождения в повседневной жизни, но можно, впрочем, заметить, что количество персонажей, участвовавших в этом возрождении, значительно больше, чем те богословы, иерархи, миряне, кого мы включили в эти заметки.

Таким образом, исследование взаимоотношений и взаимовлияния представителей русского церковного общества и последователей идей Высокой Церкви позволит более глубоко проследить процесс высвобождения русского Православия из пут мистицизма и обращения лучших богословских умов России к истокам общехристианских традиций — святоотеческому богословию.